

* * *

Я смотрел невооружённым взглядом на звёзды и планеты.
Я слушал невооружённым ухом голоса перелётных птиц.
Я прикасался невооружёнными пальцами к остывающим
камням.

Что я ещё мог сделать,
чтобы остановить войну?

* * *

Что ты бьёшься в сети, чешуёй серебришь,
почему до сих пор не спишь?

Где там рыбьему взору объять стога
в дальнем поле, где ночь нага?

Где не вымолвишь слова и не споёшь,
где ползвучка, как в спину нож.

Где, гляди, не воротись в свой ручей,
Будешь всюду, как я, ничей...

Осень. Журнальный вариант

1.

Всё не так, как раньше мне казалось,
Бог с тобой, прохожий, я в порядке.
Солнечная осень состоялась,
но потом на деле оказалось –
вариант журнальный, то есть краткий.

Хвойный лес, куда с тобой вернёмся,
где не пахнет минами-грибами,
хвоя отфильтровывает солнце,
и оно тебя теперь коснётся
липкими, душистыми лучами.

Музыка нетканная возникла –
я отсюда слышу её гомон.
Бог с тобой, прохожий, я привыкну,
за меня ещё попросят выкуп
и получают деньги по-любому.

2.

Я рифмую «всхлип»...

Б. Рыжий

Жили-были, кончилась Москва...
Как тебе понравится такое?
Стынет сад, и листья со стола
ты сметаешь теплою рукою.

Я живу под небом молодым
и боюсь проснуться онемевшим,
ну и что, что я рифмую «дым», –
горечи не больше и не меньше.

* * *

Давай о смерти ни гугу,
кто был не прав – война поправит,
мой голос внутренний картавит,
и я по снегу, как могу,
иду домой.

Но медленней ползёт улитка,
чем я (во сне) туда иду.
Что, если это не молитва,
а так – губами шевелю,
о, ангел мой?

Хоть стены там тепла не держат,
есть только стулья и кровать...
Из человека выпал стержень,
и больше нечего ломать.

* * *

Я дна достиг. Живущим в междуречье
Кривого и Казённого Торца
чужое солнце обжигает плечи,
и падает душистая пыльца
из каждого открытого цветка,
как старая побелка с потолка.

* * *

Подражание Алексею Цветкову

Неизведан мир – заодно с другими,
а с тобой – на «Вы».

Я из грязных рук принимаю дыню
посреди Москвы.

И хоть каждый рубль обмусолен сотней
не таких, как я.

Ты плесни воды, и ещё бесплотней
станет плоть моя.

Я протру себя до пустот в ладонях
(не стигматы – смех).

Ты накрой меня, как земля накроет,
накрывает всех.

Ты прочти мне вслух, что прошло сквозь жилы,
что прожгло огнём.

Расскажи о том, чем мы раньше жили,
чем теперь живём.

И забуду я, что меня тревожит
(на недолгий час),
каждый новый день, что не нами прожит,
а одним из нас.